

Секция «Юриспруденция»

Уголовный суд в Афинах V в. до н.э.: по речи Антифонта Рамнунтского
«Против мачехи»

Чалаби Башир Фахедович

Аспирант

ИГиП РАН - Институт государства и права РАН, , Москва, Россия

E-mail: bchalabi@mail.ru

Антифонт Рамнунтский – один из немногих греческих писателей V в. до н.э., чьи сочинения мы имеем не только в пересказах. Античная традиция считает его основателем логографии – написания судебных речей под заказ (на это поприще Антифонт ступил уже известным софистом [4. фр. 832b-833]). «Убедительные» цели речей предполагают отражение в них разделяемых судьями правовых взглядов и ценностей, то есть наиболее характерных черт правосознания. До нас дошли пятнадцать речей авторства Антифонта, учебных и действительно произнесенных, из которых на русский язык переведена лишь часть дидактического корпуса (тетралогий). Мы остановимся на одной, «практической», речи, известной как «Против мачехи» [5. р. 1-11]. Речь содержит обвинение в умышленном убийстве, поэтому должна была слушаться в ареопаге, самом почтенном из афинских судов: ареопагиты пользовались большим уважением как бывшие архонты, а также обладали изрядным юридическим опытом председателей народных судов. Сократ, к примеру, полагал, что нет судей, которые «при решении судебных дел и во всей вообще своей деятельности поступали бы с большим благородством, соблюдением законов, достоинством, справедливостью», чем ареопагиты» (пер. С.И. Соболевского) [3. фр. 3.5.20]. Однако допущение того, что заказчик и автор речи видели шансы на успех – а иначе и быть не могло, ведь Антифонт имел репутацию лучшего в Афинах советника в суде – делает эту характеристику не объективной. Истец, обвиняющий мачеху в отравлении отца, в действительности голословен: живые свидетели отсутствуют, рабыня, руками которой якобы был влит яд под видом приворотного зелья, ни под пыткой, ни даже перед казнью не выдала «заказчицу», а весь иск строится на предположении, высказанном сыну умирающим отцом. Основной «факт», трактуемый истцом в свою пользу – отказ ответчика выдать других рабов для свидетельской пытки – является, вероятно, правовой фикцией [4]. У. Виламовицем высказывалась гипотеза, что весь иск – суть вынужденное исполнение последней отцовской воли [7. s. 198], но едва ли «сыновья почтительность» – единственный мотив: ложное обвинение в убийстве было делом опасным и чреватым судом уже над самим обвинителем. Надо полагать, юноша собирался идти до конца, и подготовленная речь полностью отвечала этому намерению. Антифонт, за отсутствием твердых доказательств, строит полное драматизма повествование, где несчастный юноша мстит вероломной, коварной и не в первый раз посягающей на человеческую жизнь женщине – и все ради снятия с города скверны за убийство невиновного. Насколько убедительна была эта аргументация для заседателей ареопага? Мы считаем, что вполне убедительной. Ареопаг, как следует из сохраненного в «Эвменидах» Эсхила предания, был учрежден Афиной для суда над героем Орестом: тот обвинялся в убийстве матери, царицы Клеменстры, ранее расправившейся со своим мужем Агамемноном. Правота Ореста была доказана, чем так эффективно и воспользовался Антифонт: его история почти в точности следует бесспорно

знакомому и близкому каждому из судей преданию. В одном из пассажей обвиняемая даже прямо называется «Клемнестрой». Правда, вся эта «трагедия» получает вполне легальное обрамление: юноша требует от судей исполнения законов, «унаследованных от богов и предков, которые позволяют наказывать виновных так, как делали они». Между тем, боги в самый первый день ареопага создали для всех будущих судей прецедент решения подобного дела, что вновь возвращает нас к преданию об Оресте, а законы предков, то есть драконтовские, санкционировали за убийства суровые наказания: смерть или изгнание. Вердикт судей нам неизвестен, однако с большой достоверностью можно предположить, что именно это дело описал Аристотель в «Большой этике»: тогда ареопагиты признали женщину виновной, «квалифицировав» убийство как непреднамеренное – женщина действительно не знала, что принятие приворотного зелья может стать фатальным [2. фр. 1188b25-40]. Но даже такое «мягкое» решение представляется совершенно необъективным при полном отсутствии фактических доказательств. Первый напрашивающийся вывод таков: даже многоопытные судьи ареопага в V в. до н.э. ценили отсылки к мифу наравне с фактами. Из этого явления следует второй вывод, уже правовой: восстанавливаемую древними судьями справедливость едва ли можно назвать «законной».

Очевидно, что раз судебной деятельности Антифонта сопутствовал успех, содержание его речи должно было отвечать настроениям аристократической аудитории. Выходит, что удел закона на суде по делам об убийствах был весьма незавидным, несоизмеримым выделявшемуся в системах великих философов Античности. Причин этому несколько, но важнейшая, с нашей точки зрения, лежит в системе управления Афин V в. до н.э. По сообщению Аристотеля, до реформы 462 г. до н.э. функции ареопага не ограничивались надзором над законами: в действительности он распоряжался большинством важнейших дел в государстве [1. фр. I.2.6]. Реформы, конечно, не могли пресечь многовековой традиции управления, подкреплявшейся еще и высоким в целом уровнем правосознания членов ареопага. И в конце V в. до н.э. они продолжали блюсти политическую справедливость. Законы служили не лучшим подспорьем – в новых «демократических» актах царя путаница, а древние предписания были туманны, не говоря уже об обилии пробелов в законодательстве. Более эффективным для поддержания справедливости воспринималось следование моральным нормам, религиозной догме и вызовам политической жизни – как, по крайней мере, познаваемым и четким. Антифонт лишь пользовался этой особенностью судейского правосознания.

Литература

1. Аристотель. Афинская полития. (любое изд.)
2. Аристотель. Большая этика. (любое изд.)
3. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. (любое изд.)
4. Псевдо-Плутарх. Жизнь десяти ораторов. (любое изд.)
5. Antiphontis orationes et fragmenta / post. F. Blass, ed. Th. Thalheim. Stuttgartiae: B.C. Teubneri. 1982.

6. Gagarin, M. The Torture of Slaves in Athenian Law // Classical Philology. Vol. 85. 1996. p. 1-18.
7. Willamowitz-Möllendorf, U. von. Die Erste Rede des Antiphon // Hermes. Bd. 22. H. 2. 1887. s. 194-210.